
AD MEMORIAM

К.В. Павлова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ ЖИЗНИ И РАБОТЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА ЛЯПУШКИНА

Мне хочется поведать читателю о последних десятилетиях жизни и научной деятельности талантливого неутомимого исследователя славянских древностей второй половины первого тысячелетия н.э. И.И. Ляпушкина, представить его таким, каким он сохранился в моей памяти за истекшие более 35 лет с его последнего рабочего дня в институте, явившегося и последним днем его жизни.

И.И. Ляпушкина я, как и многие мои однокурсники, знала со студенческих лет по отзывам работавших с ним в экспедициях товарищей и по докладам на отчетных сессиях в институте о результатах полевых исследований истекшего сезона, которые мы регулярно посещали. Но непосредственное знакомство с Иваном Ивановичем произошло в 1951 г., когда я стала штатным сотрудником института, а в 1953 г. мне впервые довелось участвовать в экспедиции Ивана Ивановича – в его раскопках поселения у д. Битица и городища Новотроицкого, относящегося к роменско-боршевской культуре.

Памятники роменско-боршевской культуры неоднократно привлекали внимание видных советских археологов. Так, еще в двадцатые годы XX века П.П. Ефименко произвел небольшие раскопки на Большом Боршевском городище, давшем наименование открытой на этом памятнике культуре. В сороковые годы были проведены раскопки на Петровском и Берязняковском городищах Воронежской области П.Н. Третьяковым (Ефименко, Третьяков 1948), небольшие раскопки Гочевского городища провел Б.А. Рыбаков, а Иван Иванович Ляпушкин раскопал небольшой участок на городище Опошня. Однако все эти работы носили, в основном,

разведочный характер, а потому не давали полного представления о роменско-боршевской культуре. Оставалось много неясного, путаного. Не было получено полного представления об общем облике поселений, устройстве жилищ, не было единого мнения о датировке роменско-боршевской культуры в целом, её генетической связи с памятниками первой половины и сере-

дины первого тысячелетия н.э., её отношения к древнерусским памятникам X-XII вв.

Иван Иванович хорошо знал все недостатки исследования этих памятников своими предшественниками и считал основной причиной всех неясностей в интерпретации славянских памятников второй половины первого тысячелетия н.э. то, что ранее подвергшиеся раскопкам славянские памятники были зачастую многослойны, раскопаны лишь частично, иногда даже траншейным способом, что не давало возможности их исследователям прийти к достоверным историческим выводам. Поэтому для своих раскопок Иван Иванович старался найти однослойные, хорошо сохранившиеся памятники и раскопать их если не полностью, то, по крайней мере, в максимально больших размерах. Этим условиям почти полностью отвечало Новотроицкое городище, к раскопкам которого Иван Иванович приступил в 1952 г. и закончил их в 1954 г., раскопав памятник полностью, открыв и исследовав на нем более 50 жилищ полужемляночного типа и около ста хозяйственных ям.

Я принимала участие не только в раскопках Битицы и Новотроицкого городища, но и в раскопках других поселений, исследовавшихся Иваном Ивановичем в 1955 – 1958 гг. (городище Опошня, селище Выгоничи, поселение и могильник у д. Полужье Брянской обл.). Это

было, в сущности, мое первое знакомство с раскопками славянских памятников, т.к. в студенческие годы я проходила полевую практику преимущественно на раскопках палеолитических стоянок.

Первые годы сотрудничества с Иваном Ивановичем были для меня хорошей, хотя и очень трудной школой. Мне нужно было научиться многому из того, с чем я не встречалась в полевой практике раньше. Всё для меня было здесь ново, начиная с подготовки памятника к раскопкам и заканчивая графической и фотографической документацией и засыпкой исследованных объектов. Я многому научилась у Ивана Ивановича из того, что мне очень пригодилось на раскопках других памятников, что самое главное, в моей самостоятельной полевой практике. Иван Иванович не был педагогом в буквальном смысле этого слова. Он не устраивал в конце дня обсуждения того, что было сделано за день, как это имело место у некоторых других начальников экспедиции. Иван Иванович на раскопе был всегда сосредоточен и молчалив, говорил только тогда, когда нужно было дать какие-либо распоряжения или поправки в процессе раскопок. У Ивана Ивановича нужно было учиться, внимательно наблюдая за его приёмами в работе. Он мастерски владел как лопатой, так ножом и кистью, умел лёгким поворотом кончика ножа отделить рыхлую зем-

лю от плотной корочки стенки полуземлянки или поверхности обгоревшего дерева, не оставив на ней следов ножа и расчистить даже самый маленький предмет, не сдвинув его с места. Иван Иванович был превосходным фотографом. Все фотосъёмки исследованных объектов он делал сам, экономно расходуя фотоплёнку, особенно дорогую тогда цветную, и претензий к его снимкам со стороны нашей фотолаборатории или издательств никогда не было.

Мы внимательно следили за тем, как Иван Иванович работал ножом и кистью, чтобы при работе этими инструментами не наделать оплошностей, что, откровенно говоря, в первое время иногда случалось. Но Иван Иванович никогда не упрекал провинившегося. Он молча исправлял ошибку, если это было возможно, что действовало гораздо сильнее словесного наставления.

Экспедиции Ивана Ивановича всегда были хорошо подготовлены. Он все продумывал заранее до мелочей, начиная с выбора памятника для раскопок и заканчивая засыпкой раскопа. Штатный состав экспедиции Ивана Ивановича был всегда небольшим, состоял, обычно из 2-3 лаборантов и 3-4 студентов Кафедры археоло-

гии ЛГУ (однажды в его экспедиции были даже студенты факультета народов Севера ЛГУ). Непременной участницей экспедиции Ивана Ивановича была его жена – Людмила Степановна Кухарева в качестве лаборанта, на долю которой, кроме обычного для лаборантов экспедиции руководства одним из участков раскопа, приходились все обмерно-чертежные работы и зарисовка некоторых вещей. Основные земляные работы падали на долю местных рабочих-землекопов, как правило, учащихся старших классов местной школы. Иван Иванович брал на работу по договоренности с местными руководителями ребят из наименее обеспеченных семей, потерявших в большинстве случаев кормильца-мужчину во время войны. Эти мальчики, несмотря на небольшую оплату, охотно шли на эту довольно тяжелую для подростка работу и проявляли большой интерес ко всему, что выкапывалось из земли. Надо сказать, что таких трудолюбивых и добросовестных рабочих, как в Новотроицком, я не встречала больше ни в одной экспедиции. Иван Иванович никогда не понукал этих мальчиков и не делал им замечаний. Он мог строго погрозить пальцем какому-нибудь расшалившемуся озорнику,

что случалось очень редко, и поощрить ласковой похвалой особо прилежного и сметливого паренька. Иван Иванович любил этих ребятешек и относился к ним с особым, чуть ли не отеческим, вниманием.

Большое внимание Иван Иванович уделял бытовой стороне организации экспедиции. Поскольку все исследуемые им памятники находились в непосредственной близости от современных сел, Иван Иванович снимал в каком-либо из домов местных жителей помещение для базы экспедиции, а члены экспедиции размещались в ближайших от базы домах. В экспедициях Ивана Ивановича всегда было организовано коллективное горячее питание, для чего он нанимал кухарку из местных женщин, чаще хозяйку дома, в котором помещалась база. В Новотроицком хозяйка базы даже пекла хлеб для экспедиции из прекрасной пшеничной муки, так как торговли хлебом в селе в то время не было, а муку для хлеба Иван Иванович предусмотрительно привозил из Ленинграда. Воду для чая кипятили в самоваре, который ставился два раза в день, поэтому в экспедиции всегда была кипяченая вода для питья.

Несколько слов об организации самого процесса раскопок. Как я уже говорила выше, Иван Иванович выбирал для исследования преимущественно однослойные памятники. Приступая к раскопкам, Иван Иванович всегда делал инструментальную, по возможности, или глазомерную съёмку площадки, на которой размещался памятник. Затем, наметив место для раскопа и разбив его на квадраты размером 2×2 м, тщательно нивелировал будущий раскоп по линии квадратов и намечал места будущих стратиграфических бровок, а затем приступал к снятию дернового слоя, как он говорил – «раздевать раскоп». Снятие дернового слоя велось по квадратам, причем на каждый квадрат он ставил трех человек: двое копали землю и складывали её на носилки, а третий тщательно просматривал её для выявления находок.

Рушенная земля относилась в сторону на носилках и ссыпалась в кучи с таким расчётом, чтобы отвал земли не мешал возможным прирезкам раскопа и его продолжению в следующие годы и сохранялся до окончания исследования памятника для засыпки раскопа. Для удобства наблюдения за процессом работы раскоп делился на 2-3 участка, наблюдение за работой на которых поручалось лаборантам. Они должны были отмечать характер снимаемого грунта в дневнике, фиксировать и

вносить в дневник места скопления обломков керамики, предметов из металла, кости и рога, скоплений угля или золы и прочих особенностей почвы. Эти дневники в конце дня Иван Иванович забирал домой и переносил их данные в общий дневник экспедиции. Вся работа с материалами экспедиции проводилась в камеральных условиях, в институте. Нельзя не отметить, как оперативно проводил Иван Иванович весьма трудоёмкую работу по обработке, осмыслению, интерпретации и подготовке к публикации большого количества добытых раскопками материалов. Ведь уже весной 1958 г., т.е. спустя всего около 3-х лет после окончания раскопок Новотроицкого, вышла в свет книга Ивана Ивановича «Городище Новотроицкое» объемом 35 печатных листов, которая может служить достойным примером описания всех добытых раскопками археологических материалов со всеми вытекающими из них историческими выводами (Ляпушкин 1958). И это при том, что жил Иван Иванович с молодой женой и взрослой дочерью в крайне неблагоприятных бытовых условиях – в небольшой узкой комнате на 3-м этаже здания института, в которой не было места даже для письменного стола. Видимо, поэтому Иван Иванович проводил весь рабочий день за своим столом в институте.

Раскопки Новотроицкого городища были самыми значительными по масштабу работ и по значимости этого памятника в истории исследования славянских древностей второй половины первого тысячелетия н.э. на территории Днепро-Донецкого лесостепного левобережья. Это была, если можно так выразиться, «Лебединая песня» полевых исследований Ивана Ивановича, ибо раскопки в Опошне, Выгоничах и Полужье по своим масштабам значительно уступают Новотроицкому городищу, однако имеют большое значение для характеристики памятников роменско-боршевской культуры. В результате своих раскопок славянских памятников второй половины первого тысячелетия н.э. Днепро-Донецкого лесостепного левобережья Ивану Ивановичу удалось прояснить многое из того, что было неясно или запутано в характеристике этих памятников.

Прежде всего, стало ясно, что славянские памятники второй половины первого тысячелетия нашей эры не имеют генетических связей с памятниками первой половины и середины этого тысячелетия и датируются концом VIII – началом X вв. Городища роменско-боршевской культуры располагались на высоких коренных берегах рек, а их обитатели жили в

домах полуземляночного типа, не имевших внутренних связей между собой, с печами, вырезанными в материковой глине в одном из углов жилища (в Полужье, где жилища были устроены в рыхлом грунте, печи были сложены из кусков болотной руды). И самое главное, к чему пришел Иван Иванович в результате своих исследований, было его убеждение в том, что славянские памятники второй половины первого тысячелетия н.э. были распространены не только в Днепровском лесостепном левобережье, но и имели место на территории к западу от Днепра. Это положение Иван Иванович намеревался доказать, перенеся в конце 50-х годов свои полевые работы в западные районы страны. В 1958 г. он осуществил свои первые разведывательные работы в бассейне Южного Буга (Львовская область). Это был последний год моего участия в экспедициях Ивана Ивановича, т.к. в июле 1958 г. я была прикомандирована к экспедиции М.А. Тихановой (раскопки поселения черняховской культуры у д. Лепесовка), а моё место в экспедиции Ивана Ивановича занял Д.А. Мачинский, работавший с Иваном Ивановичем еще в Опшне.

Славянские памятники второй половины первого тысячелетия н.э. были, конечно, основной сферой деятельности И.И. Ляпушкина. Этим памятникам посвящена большая часть

его статей и итоговая книга, в которой разбираются и письменные источники – сведения древних авторов о ранних славянских племенах, и приводятся краткие сведения обо всех известных к середине двадцатого века археологических памятниках славян Восточной Европы этого периода (Ляпушкин 1968). Но изучение славянских памятников не мешало Ивану Ивановичу хорошо знать и памятники первой половины и середины первого тысячелетия н.э. и уделять не меньшее внимание как им, так и синхронным памятникам. Краткая характеристика этих памятников и их распространение на территории Днепровского лесостепного левобережья отражены в книге Ивана Ивановича, посвященной этой проблеме (Ляпушкин 1961).

Много сил и труда вложил Иван Иванович в археологическое изучение зоны затопления Цимлянского водохранилища. Памятникам этого района Иван Иванович посвятил несколько больших статей, опубликованных в трудах Волго-Донской экспедиции (Ляпушкин 1958а).

Конечно, я не все вспомнила о характере и отличительных особенностях работы Ивана Ивановича. Но то, что это был талантливый, неутомимо трудолюбивый ученый, преданный избранному им самим поприщу, исследователь и добрый отзывчивый человек, я рассказала, кажется, весьма убедительно.

ЛИТЕРАТУРА

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. 1948. Древнерусские поселения на дому // МИА, № 8, М.-Л.
Ляпушкин И.И. 1958. Новотроицкое городище. М. – Л.
Ляпушкин И.И. 1958а. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. // Труды Вол-

го-Донской археологической экспедиции. Т.1, М.-Л.
Ляпушкин И.И. 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.-Л.
Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.

Статья поступила в номер в 2004 г.